МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗООБОЗРЕНИЕ

Квартплата в Италии стремительно растет.

— А ключик-то от квартиры, оказывается, золотой...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Пытаясь увековечить незаконную оккупацию арабских земель, израильские агрессоры создают там свои военизированные поселения.

НАСАЖДАЕТ...

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Родезийские расисты вербуют наемников для борьбы с национально-освободительным движением народа Зимбабве.

МЕДОСМОТР

— ВСЕ ГОДНЫ!

Рисунок Б. ЕФИМОВА.

КРОКОДИЛ МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» Индекс 70448 Цена номера 20 коп.

КРОКОДИЛ

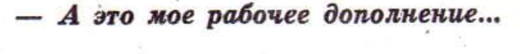
СВОБОДА ПЕЧАТИ
СВОБОДА СЛОВА
РАВЕНСТВО
СВОБОДА СОБРАНИЙ
ПРАВО НА ТРУД

— Вколачивайте, сержант, в головы демонстрантов основные статьи нашей конституции!

Рисунок А. КРЫЛОВА.

— А это мое рабочее дополнение...

Рисунок В. ЖАРИНОВА

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
КОНКУРС НА ЛУЧШУЮ ТЕМУ
«В ПОМОЩЬ ХУДОЖНИКУ»

Напоминаю условия конкурса

**Темы должны быть новыми, смешными и актуальными.
Набросок рисунка, каким вы его себе представляете, должен размещаться на отдельном листе вместе с текстом (подписью).
На обороте каждого листка напишите свою фамилию и адрес.
На конверте обязательна надпись: «Конкурс «В помощь художнику».
Последний срок присылки работ на конкурс — 5 мая 1978 года.
Для победителей учреждено 11 премий от 50 до 200 рублей.
Присланные темы не рецензируются и не возвращаются.**

КРОКОДИЛ

Бор. ЮДИН

Своими именами

Обычный ясный, летний день...
Заходим в учрежденье:
Что, все ушли на «бюллетень»!
Иль это наважденье!
Лишь с лысиною над челом,
С весьма серьезным видом
Корпит над чем-то за столом
Какой-то индивидуум.
Начальник появился вдруг,
Обходит кабинеты
И озирает все вокруг:
— А где же люди! Нету!
Но это просто злит меня!
У нас в «Капронотресте»
Должны же быть в разгаре дня
Все на рабочем месте...
Ведь учреждение, не клуб,
Где дисциплина, право!
А что с Ковровой!
— Лечит зуб.
Четвертый. Сверху. Справа...
— Где Лев Ильич!
— Товарищ Шор
Как раз переезжает...
— А Курдюкова!
— Форс-мажор:
Племянница рожает.
— Потапов!
— Бледен был, как тень,
Не в силах заниматься:
Родная тетка третий день
Лежит в реанимации...
— Лепешкин!
— Он спешил к пяти,—
С детьми такая мука! —
Пошел в детсад, чтоб привести
Домой мальчонку внука...
— Раз так, тогда упреки прочь!
С них взыскивать не будем;
Нельзя же людям не помочь,
Ведь мы же всё же люди...

А попытайся-ка привлечь
Виновников к ответу,—
Лишь заведешь об этом речь,
Тебя сживут со свету.
И о нечуткости молва
На сердце камнем ляжет...
А правда, кстати, такова
Была без камуфляжа:

Ковровой «хинная вода»
Понадобилась срочно...
(А зуб болел еще тогда,
Когда он был «молочный».)
Для Шора мчаться в новый дом
Задача не возникла...
(Застряла стройка. И притом —
У «нулевого цикла».)

Племянницы в роддоме нет:
С чего бы! Где уж там уж...
(Она в свои семнадцать лет
Еще не вышла замуж.)
Болезнь тетки не резон:
В годах, но тем не менее
Здорова тетка, как бизон...
(Гость зван был «на пельмени».)
И внук Лепешкина давно
По деду не скучает...
(Он сам кого-то у кино
С букетиком встречает.)

Друзья, тут нечего скрывать,
И, честно, между нами,
Давайте вещи называть
Своими именами.
Пусть стихнет возражений гул!
По явным всем приметам
Тут просто-напросто прогул,
Прикрытый «аргументом».
Здесь индульгенцию вручать,
Поверьте, мы не будем.
Прогул! Придется отвечать!
На то мы с вами — люди!

*«Здравствуй, дорогой Крокодил!
Можешь меня поздравить! Недавно у меня была свадьба. Все было хорошо, кроме...»*
С. Плешаков, г. Омск.

СВАДЬБА НА КОНВЕЙЕРЕ

Как известно, браки заключаются на небесах, а регистрируются в загсе. Знакома ли тебе, дорогой читатель, атмосфера этого учреждения? Впрочем, если ты справил свою серебряную свадьбу, вполне возможно, что ты уже не в курсе...

Не та сейчас атмосфера в учреждениях, соединяющих невесту с женихом, не та, что была четверть века назад, когда в заляпанной чернилами комнатушке канцелярская тетя тыкала пальцем, где расписаться, и, заметным усилием мышц натянув малозаметную улыбку, буркала: «Желаю счастья. Кто следующий?»

Изменились порядки в загсах. Больше того! Их счастливую функцию взяли на себя Дворцы счастья.

Дворец счастья — это, естественно, прекрасные, располагающие к торжественности апартаменты. Это цветущие улыбки служителей Гименея. Проникновенные напутственные слова новобрачным. В торжественной церемонии порой участвует человек, известный по газетам: депутат, ветеран... И всегда оркестр. Фотограф. Запись церемонии на пластинку. Вручение памятных медалей. Вот с чего теперь начинается семейное счастье.

Хорошо! Женитесь, товарищи!

Так задумано, скажет скептик, а каково на самом деле? Сергея и его невесту встретила чарующая музыка, кажется, это был Первый концерт Чайковского, исполняемый двумя музыкантами. Потом сердечные напутственные слова. И фотограф. И вручение памятных медалей. И приглашение прийти через 18 дней за пластинкой с записью церемонии. И, когда новобрачные уходили строить семейное гнездышко, их провожал, естественно, «Свадебный марш» Мендельсона, исполняемый двумя музыкантами.

Правда, хотя счастливые часов не наблюдают, но их несколько удивила краткость церемонии. Вместе с музыкой (15—20 секунд), напутственными словами (минуты две) и прочим вся церемония заняла минуты четыре вместо пятнадцати, как будто положенных по регламенту. Но счастливые великодушны. Да к тому же не они одни счастливые, других-то как много! Может быть, сотрудники Дворца счастья взяли обязательство значительно увеличить число браков в текущем квартале? Молодожены мысленно пожелали им трудовых успехов.

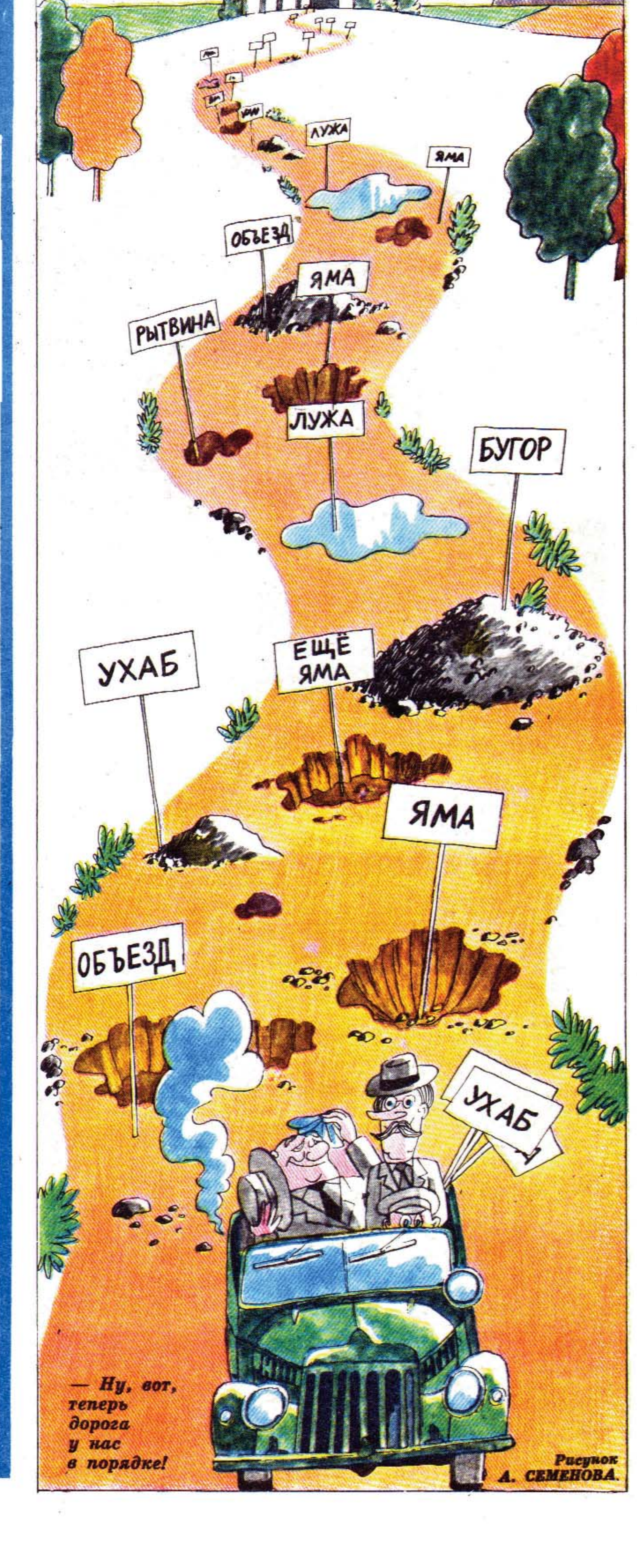
Прошли дни. Молодые получили пластинку, включили проигрыватель и...

И полились прекрасные мелодии, исполняемые симфоническим (!!) оркестром, а не двумя музыкантами, которые играли на недавней церемонии. Затем с пластинки новобрачных поздравил известный человек, которого также не было на церемонии. Сперва молодые подумали, что им дали чужую пластинку, а они просто не расслышали имена виновников великолепно поставленного торжества. Прокрутили еще раз. Жених и невеста на пластинке были безымянные.

Да, пластинка была безадресной, универсальной. Ее можно вручать любой паре. Бог (в данном случае Гименей) знает, может, его служители сделали это из лучших побуждений. Вдруг во время записи напутствующий собьется или свидетель чихнет, чих останется на пластинке. Лучше да и проще сделать одну образцово-показательную запись для всех. В результате вместо естественной торжественности получилась парадная фальшивка.

Дорогие новобрачные! Ваша любовь, конечно, залечит эту обиду. Счастливых дорог вам по жизни! И пусть общение с вами всегда приносит людям радость...

Фельетонист

— Ну, вот, теперь дорога у нас в порядке!

Рисунок А. СЕМЕНОВА.

К. УБИЛАВА, специальный корреспондент Крокодила

КОЕ-ЧТО О ПОЛЬЗЕ ПЕШЕГО ХОЖДЕНИЯ

Я слыл автобусным патриотом. Ничто не могло поколебать моей любви. Никакие испытания!

Взять, к примеру, красивый исторический город Эчмиадзин. Там я пренебрегал тем, что автостанция ютится в полуразвалившемся домике, без буфета, с готовым вот-вот обрушиться туалетом. Я весело бегал от дерева к дереву, ища прибитые таблички с обозначением междугородных маршрутов. Закрываясь от кавказского солнца ладонью, коротал ленивые часы, гадая с ожидающими: когда появится автобус?

Попадая в Октемберянский район, участвовал в увлекательной, хотя и утомительной игре: искал нужный автобус среди пришедших из Еревана. Неподвластная местному начальству шоферская вольница загоняла машины, куда ей хотелось. Набегавшись, слышал, как пассажиры робко спрашивали у водителя М. Арутюняна: почему автобус столь грязен, почему стоит не на месте, почему, почему? И слышал гордый ответ: «За моей спиной — сам начальник парка номер три товарищ Хачатурян. Он обо всем знает, у него спрашивайте!»

Я добирался на любезном моему сердцу транспорте до села Меградзори. В виду села попутчики кричали мне: «Держись, земляк, вай-мэ! Крепче держись!» И как бы в ужасе цеплялись за сиденья. Боясь набить шишки о потолок. Я тоже цеплялся что есть мочи. Однако ж два раза прикусил язык и расшатал половину зубов. Но я не отчаивался, а оптимистично надеялся: скоро-скоро председатель здешнего колхоза Л. Галустян сам проедется по этому зубодробительному отрезку и тут же велит отремонтировать его.

Из села Цовагю в Севан мне довелось как-то ехать с Рачеком Арапетяном. По дороге бедовый Рачек выкушал чего-то крепкого, и автобус плясал не то мазурку, не то твист. Я молил судьбу, чтоб нас поскорее задержали. Мольба не пропала втуне. Нас поймали. Правда, уже на финише...

На мою пассажирскую долю выпадали и моральные муки.

Близ села Каракишла наш автобус 72—07 остановили: «Проверка!» Я и другие седоки ощутили сердце в пятках, пробормотав: «Нет у нас билетов!» Деньги-то мы отдали шоферу Жоре Вартаняну, но билетов он не дал. «Права качать» мы не стали — лишь бы довез! Жора тоже служил в 3-м ереванском парке. Жора сказал: «Наш директор Мушек Хачатурян — хороший человек, за это не ругает. Но кричит: план давай! Мы даем. Какая разница, отрываем билет или нет?!»

В автобусных одиссеях я многожды рисковал потерять веру в человечество. Я мог запросто с ней проститься в автобусе АРЛ 94—31. Седоков была дюжина. Когда кондуктора А. Бахуряна спросили, отчего бы это у нас нету билетов, он обиженно вскричал:

— Да, я деньги с них взял, а билеты не успел выдать. Что вы пристали — я честный человек!

Я колесил по удивительному городу Кировакану. Удивительному в том смысле, что ни разу мне в руки так и не попался — взамен медяков — автобусный квиточек. Как-то не везло. И, по-моему, моим соседям в автобусах тоже. Мне даже показалось, будто многие из них в жизни живого билетика и не видывали...

Червячок сомнения не завелся в душе и тогда, когда до меня дошел верный слух про министерство автотранспорта Армении. Там, понимаете, многие годы ни разу не обсуждали: как все же половчее и покультурнее возить меня по дорогам? Я не стал терзаться вопросом: почему деньги за проезд берут, а даже обсуждать мои автопроблемы не желают? У них и других, наверное, дел уйма, сказал я себе... Я любил автобусное сообщение — и баста!

А однажды мне понадобилось попасть в горное село Капуйт, в Азизбековском районе. Стал узнавать, каким автобусом доехать. «Никаким,— говорят,— по горам наши автобусы пробираться не умеют. Не доедешь ни до Капуйта, ни до сорока пяти иных горных населенных пунктов, в пятнадцати районах!»

Делать нечего. Вырезал себе палочку и потопал помаленьку. Ну, не так быстро передвигался, как раньше, но все же.

Солнышко светит, птички поют. Красота! И совсем неожиданно я как бы прозрел! Не давят же со всех сторон понапиханные безбилетники. Не надо краснеть, как школьник, при редких, но проверках билетов. Вера в человечество не под угрозой. Никто, напившись, тебя не свалит под откос вместе с машиной. Не нервничаешь: придет — не придет, уедешь — не уедешь? И всюду добраться можно наверняка.

Армянская ССР.

Репортаж с хлебной нивы

Вл. МИТИН, специальный корреспондент Крокодила

Ране, бывалоча, урожай как теряли? Повезет крестьянин свой скудный хлеб на телеге, да и угодит в глубокую выбоину. Просыплется хлебушко в грязь, а несчастный земледелец крякнет и произнесет: «Эхма... Кажинный раз на эфтом самом месте». А затем кинется забрасывать колдобину песком либо дерном.

Впрочем, я никак не желаю сравнивать допотопное с нынешним. Помилуйте, какие сравнения, если валит повсюду мощнейший урожай да кругом такая техника и асфальт. Даже наоборот: выбрал для репортажа неплохой по всему район. С тем, чтоб никто не укорил меня в предвзятости.

ТОЛЬКО НЕ СЖАТА ПОЛОСКА ОДНА...

Это Дубовский район Волгоградской области. Угодья колхоза «Маяк».

Я еду по ячменному полю в комбайне «Сибиряк». Собственно, еду не столько я, сколько молодой комбайнер А. Г. Глушко. Лично я по-горилльи вишу, вцепившись в поручни. Из бункера сыплются на меня труха и какие-то цветочки.

— Саша! — скрежеща пылью на зубах, ору я в скромную спину механизатора. — А данный комбайн хороший?

— Хороший,— покорно отвечает Александр Григорьевич.— Только ломается, гад, часто. Потому что он весь старый... Значит, и потери на нем бывают. Если не регулировать. Только его регулировать долго и трудно, потому что он весь изношенный... Вот зерно дробится или пропадает с половой.

Сил уже нет, но скоро подъедет к нам за зерном машина, или, газетно говоря, «борт номер такой-то». На нем я продолжу путешествие по курсу «нива — ток — хлебоприемное предприятие». С целью воочию подсмотреть, где же мы всем гуртом теряем наш хлебушко... А пока я начинаю считать потерянные колоски, но сбиваюсь со счета.

— Вы запишите,— говорит А. Г. Глушко.— Сколько зерна теряем из-за негодной техники! Я — человек привлеченный. А что тут раньше, зимой, не знали, что комбайны чинить нужно? Во-он, видите, мужчина сидит на корточках?..

Впрямь, среди стерни восседает человек с грустным, но умным взглядом.

— Присаживайтесь рядом,— приглашает комбайнер Василий Илларионович Хахáлин.— Только не уколитесь стерней. Вы спросите, почему я без дела сижу? А не заметите ли вы чего-нибудь парадоксального, абсурдного?

Окрест, деловито жужжа, снуют коричнево-красные корабли наших нив. Зато два и не снуют и не жужжат, а туго сидят на мели.

— Один из них марки «Колос», — мрачно замечает В. И. Хахáлин,— мой. А что было? Грянул урожай, все ахнули, бросились, а у этих двух комбайнов решет нету. Аккурат накануне страды. Куда? Натурально, поехали за решетами в Таганрог, на завод. А мороки? А в результате потеряли уйму зерна...

И пока мы оба сидим в стерне, на ум мне приходит совсем нелепый случай, происшедший в соседнем колхозе «Красная звезда». Превосходно отсеялись, а на уборке кое-где просто недобрали из-за простоев. И пришлось любоваться некрасовской картиной: нескошенные полосы на ширину целого валка! Это же сколько потерянных центнеров!

ЭХ, НАСЫПАЙ, БРАТ, НАСЫПАЙ!

Вот и подъехал к комбайну водитель Г. В. Мельников. Вместо того, чтобы забрать еще один бункер ячменя, он, поборов искушение, забирает меня.

— Дело в том,— поясняет Мельников,— что коллеги жадничают, стремятся загрузить кузов с горкой, с присыпом. Ну, и рассеивают зерно по дорогам...

Мы движемся к току. А пока вообразите себе сельский ландшафт. Там и сям сжатые поля. Как там, так и сям видно зерно, валяющееся в стерне, или целые ячменные колосья. Верно: мы знаем, что уборка шла сложно. И небесная канцелярия не баловала район вёдром, и напал на урожай хлебный пилильщик. Он изрядно изредил хлеба, масса колосьев пала в землю... Было так и в колхозе «Путь к коммунизму». Ему бы, колхозу, что сделать? Вовремя подобрать колосья обычными граблями. Да, увы, не подготовили сей инструмент и «замаскировали» колосья свежей пахотой... Да, убрать ячмень было архитрудно, ибо и ростом не удался, да и засоренность полей велика. Ну а разве не потеряли десятки тонн, кося озимую пшеничку?..

И водители много теряют: чуть не довел герметизацию кузова, тут и просыпал. Вез водитель Н. Д. Жовба из совхоза «Баррикады» хлеб и сеял его по дороге. А водитель В. М. Лобанов один сподобился посеять в дорожный прах десять центнеров ржи! Так и подкатил он к весовой с открытым задним бортом...

Мимо нас, по шоссе, проносится не то снаряд, не то, возможно, ракета.

— Смотрите! — оживляется водитель.— Это какой-нибудь предколхоза прокатил. Пятые сутки, поди, не спит, мотается по бригадам...

«Хорошо это,— думаю я,— или плохо?» Ночь-то дана, чтобы спать. Это весной надо было проверять состояние техники. К примеру, в «Баррикадах» зимой спали, а как в страду начали бессменно бодрствовать, то и вышло, что из 103 комбайнов девятнадцать никуда не годны... И коробки передач ломались, и подшипники в жатках разлетались, как ртуть из битого градусника!..

Перед нами ток третьей бригады «Маяка». Просто током его, правда, не назовешь. Это маленький промышленно-культурный центр с душевыми, столовой и даже эстрадой. А над всем этим возвышаются цилиндры самого ЗАВа, зерноочистительного агрегата. В нем зерно оперативно доводится до кондиции на месте.

Г. Мельников въехал на весы, а я пошел по току. Работников при ЗАВе было много, и работа шла споро. Иногда, правда, все приостанавливались и молитвенно смотрели в небо.

— Мы хоть и атеисты,— объяснил кто-то,— а нет-нет и просим о ниспослании суши. Потому как при всей роскошной экипировке ЗАВа нет такой штуки, как обычный брезент... Зерно лежит в буртах под открытым небом. А разверзнутся хляби небесные, что будет? Беда будет, потери... И еще напишите про зерномет. Нам без него нет никакой возможности...

Меж тем Г. В. Мельников законно записал себе привезенные 3775 килограммов ячменя. Много это или мало?

— Весишки наши больше не тянут,— сказали мне.— Привези он больше, пришлось бы его отправлять без взвешивания куда подальше. Ну, Геннадий — человек честный. А вообще нехватка весов ведет и к нехватке хлеба...

ПТИЧКА ПО ЦЕНТНЕРУ КЛЮЕТ

Если вы скажете, что самые крупные воробьи и голуби водятся на каких-нибудь островах Паго-Паго, то ошибетесь. Здешние — дубовские — воробьи величиной с котенка, а средний голубь смахивает на терьера.

— Родимые! — обратился я к поселянам.— Как пройти к Дубовскому хлебоприемному предприятию?

— А ты, милок,— ласково откликнулись они,— иди не по звездам, а по птицам. Или прямо по зерну. Где его птицы еще не сожрали, там и будет дорога...

«Батюшки! — присвистнул я, озирая самую скверную в мире дорогу.— Всякие шляхи видел, но таких...»

Дорога эта причудливо вьется по Дубовке, и все вокруг заасфальтировано, кроме нее. Расталкивая тучных пернатых сандалетами, я брел к ХПП и подсчитывал. Говорят, птичка по зернышку клюет и сыта бывает. Но разве тут пахнет зернышком? Тут обертывается потерянными тоннами... И спросил я, придя на ХПП:

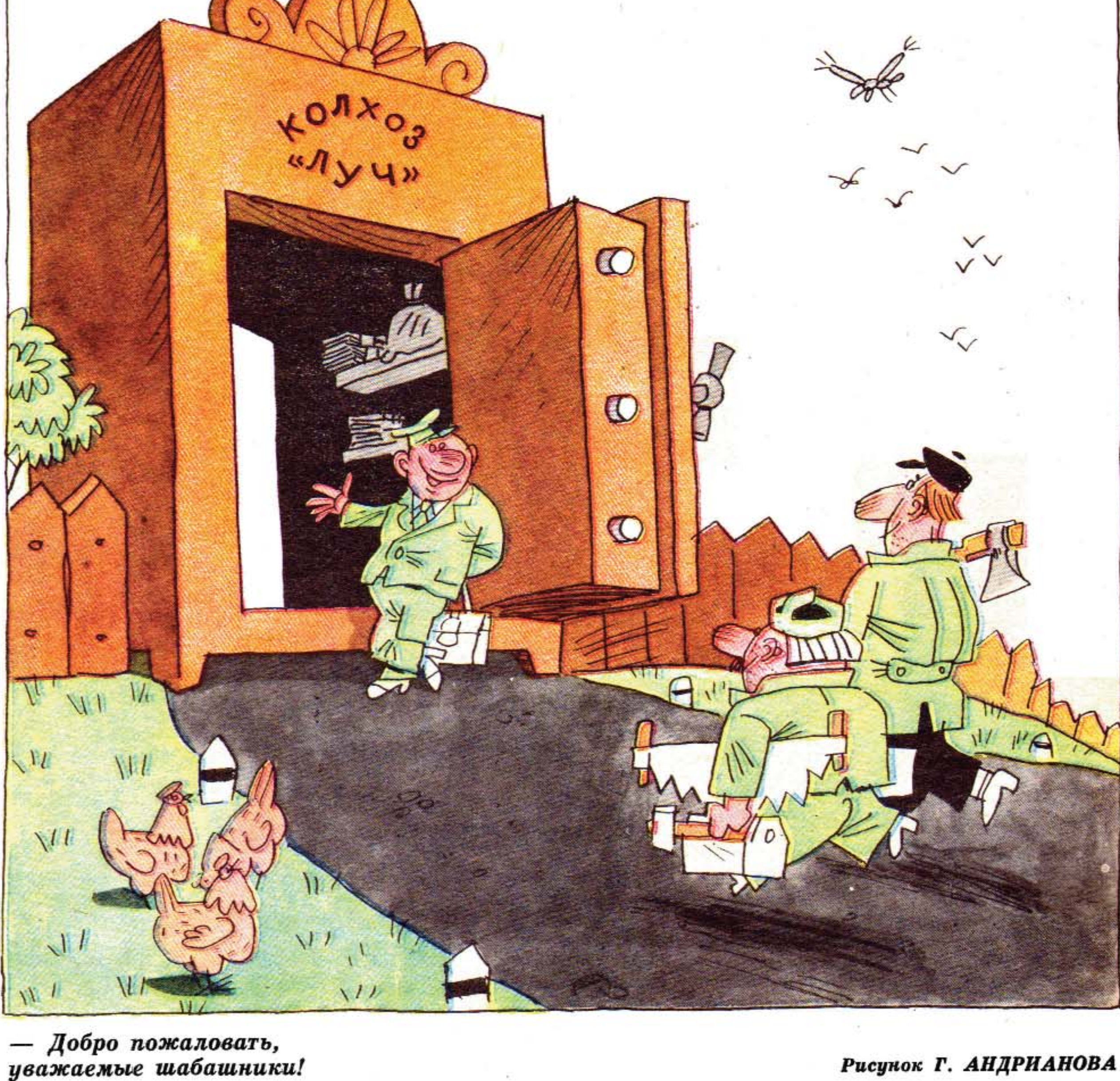
— А что, недавно организовали этот пункт?

— Да что вы! — всплеснул руками главный инженер А. Н. Романенко.— Уже лет двадцать... Только вот дорога...

И тогда не без энтузиазма мне рассказали, что вот-вот будет готов проект нового пути... «Слава богу,— умилился я.— Подумать только, какие молодцы: вот-вот, а?..»

Тут мимо меня просвистел не то болид, не то ракета. То мчался, очевидно, по «эфтому самому месту» один из руководителей района, про которых люди говорят, что они не спят уже десятые сутки...

Дубовский район, Волгоградская область.

— Добро пожаловать, уважаемые шабашники!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Новелла МАТВЕЕВА

Все чаще, представляя своих новых авторов, «Крокодил» отмечает, что они далеко не новички в «серьезной» литературе, но им не чужды чувство юмора, ирония и остроумие.

Сегодняшнее выступление широкоизвестной поэтессы Новеллы Матвеевой на страницах «Крокодила» не исключение.

Фехтовальщик

Кому судьба на шпагах
                    драться,
Уж за кирпич не должен
                    браться.
Но с незапамятных времен
Подобный тип распространен!

Ни в чем не взять ему умом,
А только подлостью да силой.
Ан норовит, чтобы о нем
Шептали: «Ловкий!»,
          «Умный!», «Милый!»...

В его усмешке — сам Эразм!
Но и в остротах он хромает.
И юмора не понимает,
А посягает на сарказм!

Но ошибаетесь, друзья:
Не поношенье цель моя:
Бесспорно! —
Зрителей турнирных
Пленял бы он и ослеплял,
Когда бы выпадов рапирных
Пинками ног не подкреплял

Скальдкрафты

Говорят, в труде поэтов есть немало колдовского,
И не только в переносном, но и в полном смысле слова!
Значит, лирики могли бы у Поэзии свободно
Жить блаженными пажами и просить чего угодно.
  Например: что им мешает предсказать себе удачу?
  И стихом изгнать любую злую скорбь и незадачу?
  Вместо этого (не странно ль?!) ни о чем певцы не просят:
  Лишь самим себе проклятья бессердечно произносят!
Даже страх певцов боится, даже смерть на поле боя!
И уж, верно, не обманет их предчувствие благое...
Но благого исполненья поджидать певцы не станут,
И... предчувствие благое сами как-нибудь обманут!
  Даже страшно: сколько силы, правды, логики, неправды,
  Чтоб от счастья увернуться, в ход пускать должны
                    скальдкрафты!
  Счастье свыше им открыто, — обрати лишь к небу взоры!
  Но они подарок неба на земле крадут, как воры...
Искрадут себе невзгоду, напророчат ее к сроку,
А потом клянут фортуну и дивятся злому року!
И прекрасный дар небесный, ими понятый превратно,
Огорченные скальдкрафты просят небо взять обратно...
  Все, что Муза им сулила, захватить мечтают сами;
  Что находкой крыльев было — норовят достать руками!
  И свою игрушку бросят, если чью-то не сломают...
  Называется «поэты»! — ничего не понимают!

Гробница шестнадцатого века

Не скромен, не правдив, не добр
                    и не умен,
Не знаем,— точно ль жил, но
                    точно — умер он.
Измерьте глубину его грехопаденья:
Он был **бездарностью эпохи**
                    Возрожденья!

Авторская перекличка
(Из пародий)

Боливару двоих не вынести...
(О. Генри. «Дороги, которые мы выбираем»).

...Не мы дороги выбираем —
Дороги выбирают нас.
(Л. Сухаревская).

...Был свинец ему вдогонку дослан,
И один из всадников затих.
— Извини! — сказал Акула Додсон,—
Боливар не выдержит двоих...

Мы проделку Додсону прощаем:
Ничего! — зато карьеру спас.
Ведь... «Не мы дороги выбираем»,
А «дороги выбирают нас».

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В Омском областном комитете КПСС

О ФЕЛЬЕТОНЕ «АНТИПОДЫ»

Секретарь Омского обкома КПСС А. Ковальчук сообщил редакции, что критическое выступление «Антиподы» («Крокодил» № 14) рассмотрено в обкоме КПСС. Факты подтвердились.

Руководители управления «Омскцелинстрой» и областного управления профессионально-технического образования Каминский Э. Ф., Рыжих А. Ф. строго предупреждены за ввод в эксплуатацию первой очереди строительства СПТУ-19 (теоретического корпуса) с недоделками. Начальник ПМК-1108 Обиночный П. К., директор СПТУ-19 Юртаев В. Е., инженер технадзора Полубенко С. С. полученную премию возвратили. Виновные наказаны в административном порядке.

Оконешниковскому райкому КПСС, райисполкому, управлению «Омскцелинстрой» предложено установить строгий контроль за ходом строительства и вводом в эксплуатацию в IV квартале 1977 года второй очереди комплекса СПТУ-19.

«КОЛОДЕЦ»

В одноименном фельетоне С. Бодрова («Крокодил» № 11) рассказывалось о том, как житель г. Крымска тов. В. Овчинников решил завладеть расположенным рядом с его домом общественным колодцем, которым пользовались жители переулка.

Секретарь Крымского райкома партии тов. В. Туровский сообщил редакции, что бюро райкома партии исключило В. Овчинникова из членов КПСС.

С него взыскана стоимость колодца, и на эти средства построена водяная скважина по Свободному переулку для общественного пользования.

«АРЕНДНАЯ ПЛАТА»

О том, как не совсем честным путем пытался получить высшее образование начальник Армавирского СМУ-4 В. С. Коробанов, рассказывалось в фельетоне Ю. Борина («Крокодил» № 21).

Секретарь Армавирского горкома КПСС тов. Н. Слюсарев сообщил, что бюро городского комитета партии рассмотрело персональное дело В. С. Коробанова. За серьезные упущения в производственной деятельности, нарушения в работе с кадрами, низкий уровень трудовой дисциплины и воспитательной работы в коллективе ему объявлен выговор с занесением в учетную карточку. Бюро горкома приняло к сведению, что приказом по объединению «Южгазпромстрой» В. С. Коробанов освобожден от занимаемой должности. Наказаны в партийном порядке также секретарь парторганизации Н. А. Переверзев и председатель постройкома В. М. Клейман.

— За бутылку — машину леса... Не продешевили?

Рисунок Е. ШУКАЕВА

— Кто ваш любимый писатель? — спросили как-то на днях художника-карикатуриста Андрея Крылова.

— Александр Сергеевич Пушкин, — ни на секунду не задумавшись, ответил художник-карикатурист Андрей Крылов.

И действительно, в одном из отсеков его увесистого портфеля всегда найдется место для очередного томика А. С. Пушкина, с которым Андрей Крылов не расстается даже во время работы над очередным рисунком.

«Друзья мои, прекрасен наш союз!» — прочитал он как-то у Александра Сергеевича, и с его легкой руки великий поэт стал еще и автором темы для рисунка, посвященного запуску в космическое пространство очередного «Союза».

Рисунок этот вошел в очередной альбом Андрея Крылова, выпущенный издательством «Советский художник». Альбом, кстати, свидетельствует, что художник неплохо относится и к Н. В. Гоголю: под одним из рисунков слова Николая Васильевича. Остальные рисунки, карикатуры, шаржи, хотя и не связаны с русской классикой, но тем не менее по своему художественному стилю продолжают лучшие реалистические традиции сатирической графики. Что, согласитесь с народным художником СССР Борисом Ефимовым, заполнившим одну из страниц альбома лестными для Андрея Крылова словами, не так уж и дурно.

ВИТАМИН «СМЕХ»

«Витамин, как известно, — вещество, необходимое для здоровья. Смех — и добрый и гневный, — безусловно, нужен всем нам для укрепления нравственного здоровья. Чем же он не витамин!» Таким весьма здравым, на наш взгляд, рассуждением предуведомляет ветеран нашего цеха, крокодилец с тридцатилетним стажем Алексей Малин свою новую книжку, которая так и называется — «Витамин «Смех» (издательство «Таврия»). Здесь эпиграммы и фельетоны, сценки и басни, прозаические миниатюры, а также переводы с украинского и белорусского языков. С удовольствием отведав данный препарат, «Крокодил» ответственно рекомендует его как для лечебных, так и для профилактических целей.

ОБЗОР ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

«Талант в опасности» или

О кулаке, который сам по себе, об истинно мужской красоте и трогательной любви, не знающей преград

Итак, страсти постепенно утихают. Герой фельетона Н. Лабковского «Скоропортящийся талант» («Крокодил» № 17) — певец Ленинградского мюзик-холла Сергей Захаров, учинивший хулиганство, приговорен судебной коллегией по уголовным делам Ленгорсуда к одному году лишения свободы условно с обязательной работой в местах, определенных органами, ведающими исполнением приговора, и отбывает наказание.

Суд учел чистосердечное раскаяние С. Захарова и признание им своей вины. С него взыскана круглая сумма, которую государство затратило на лечение потерпевшего. Наказан и соучастник — бармен В. Долбая. Вынесено частное определение, в котором указано, что руководство и общественные организации Ленинградского мюзик-холла и раньше получали сведения о неблаговидных поступках С. Захарова в общественных местах, однако сигналы эти исчезали в пучине благодушия.

И мы наверняка бы не вернулись к этой достаточно неприглядной истории, если бы не читательские письма, которые шелестящим градом обрушились на редакцию. Авторы, в основном молодые люди, осудили поведение С. Захарова и поделились своими мыслями о том, что успех у зрителей не может быть щитом против карающей статьи закона, что, по-видимому, — и это соответствует правде — воспитательная работа в мюзик-холле давно свелась к нулю, что, выступая на концертах, «звезда эстрады» вел подчас себя развязно, но это никакой реакции ни у кого не вызывало, и печальный последний случай — следствие захваливания, всепрощения, результат порочного мнения, что, дескать, талант и слава снимают все грехи.

Однако наряду с объективными и заинтересованными письмами редакция получила несколько десятков гневных посланий, направленных против... автора фельетона. Эти письма до такой степени шли вразрез с фактами, что поначалу могли только удивить. Но потом, когда мы вчитались в прыгающие от раздражения строчки, то как-то неожиданно для себя подумали: а была ли уж такая необходимость выступать по этому вопросу?

Может быть, и вправду популярный певец и всеобщий любимец, кумир, обладатель импозантной внешности вообще не должен отвечать по закону? Разве не волен кумир поступать так, как он считает нужным, а все окружающие должны быть просто благодарны ему за то, что он прошел рядом, пусть даже наступив кому-то на ногу. И почему бы потерпевшему вместо того, чтобы терять сознание, не вытащить блокнот и не попросить у кумира автограф? Наверняка тогда и уголовного дела бы никакого не было, а уж фельетона и подавно!

А автор? Уж не двигала ли его пером черная зависть к чужой славе и красоте? От такой догадки нам стало даже жутко. Те-те-те! А не промахнулся ли «Крокодил», прибегнув к помощи завистливого корреспондента?!

Письмо Ольги Р. из Перми только усилило наше подозрение: «С возмущением прочла фельетон. Дебошир Сергей Захаров? Не может быть! Захаров — любимец публики. Это, извините, клевета! Такая внешность, такая фигура! Надеюсь, со мной согласны очень многие!»

Юлианна Н. из Крымской области философски развила эту прямолинейную мысль: «То, что вы о нем пишете, это смешно, это все ложь! У него гениальный, самый артистичный, наивысший талант. С него бы портреты писать! У Сергея Захарова такая жизнь играющая! Все, что он ни сделает в жизни, он все играет! Просто для него жизнь была ничто без игры. Его надо просто понять, а не писать про него фельетон!»

А подруги-десятиклассницы из Ленинграда прислали письмо, которое заставило нас иными глазами взглянуть на нашего специального корреспондента.

«Как мог он написать эту глупую, полную черной зависти статью! Ну, а насчет драки нужно сказать, что в мужчинах всегда ценились смелость и умение постоять за себя. Пластинки Захарова мы купим за тройную цену!»

Это действительно здорово — уметь постоять за себя, — подумали мы. — Будучи настоящим мужчиной, позвать здоровенных дружков, навалиться на администратора, нанести ему тяжелые удары в пах и голову. Ай, молодец, ай, рыцарь!

Ах, эти слава и обожание! Как хороши они, как приятны! Что, как не истинная любовь к прекрасному, что, как не забота о будущем великого человека побудили нескольких энтузиастов расклеить на столбах такие вот торопливо отпечатанные на машинке афишки: «ТАЛАНТ В ОПАСНОСТИ! ВСЕ ВЫ ХОРОШО ЗНАЕТЕ СЕРЕЖУ ЗАХАРОВА КАК МОЛОДОГО ТАЛАНТЛИВОГО ПЕВЦА. МЫ ТРЕБУЕМ СМЯГЧИТЬ ЕГО УЧАСТЬ!»

Талант был действительно в опасности. В процессе следствия замечательный певец, который не так давно был лишен водительских прав за езду в пьяном виде, вновь уселся в том же пьяном виде за руль автомобиля, который любезно предоставил ему один из поклонников, и помчался, рискуя врезаться в прохожих и витрины.

Еще одно письмо заставило нас усомниться в пользе нашего выступления. Мы узнали об Ольге В. из Вологодской области, отправившей, как следовало из текста, свое письмо в 00 часов 45 минут. В отличие от других авторов Ольга смотрела на случившееся сквозь призму равенства внешних данных. «Сама я не обделена красотой, но я ничем не могу помочь ему, хотя, как красавица красавца, отлично его понимаю. Нужно помочь ему, пока не поздно! Я буду ждать тебя, Сережа!»

Какая безоглядная вера, какая здоровая сентиментальность и доброта, какое чудовищное взаимопонимание! — подумали мы.

А в письме Розы Ф. из Челябинска была еще и попытка к самопожертвованию: «Сережа, я ничему не верю, так как знаю, что человек с таким голосом и внешностью может совершать только хорошее. Если тебя вдруг лишат свободы, хочешь, я пойду ради тебя на скамью подсудимых, на самые страшные испытания, я отсижу весь срок, а ты пой, и радуйся, и радуй людей своим талантом и красотой. Если хочешь, два слова о себе: люблю твои песни, хожу в джинсовом костюме и обожаю современные танцы».

Честно сказать, мы так растрогались, что даже шмыгнули носом.

Читатель Б. из Уфы упрекает редакцию в корысти и гиперболизации: «Ваш фельетон — попытка очернить певца в чьих-то корыстных целях. Кому-то в редакции он сильно мешал. Да, была драка, обычная, не отрицаю. У кого не бывает ее в молодом возрасте! Лично я вот вчера в подъезде иду, двое на гитаре бацают, тишину нарушают, песни вопят, проход загородили, я одному врезал, он мне, я ему. Думаете, обо мне фельетон написали? Три ха-ха! Никто из соседей даже не заметил. А Захарова — на всю страну, что возмутительно. Пел бы себе красавец певец, голос-то его сам по себе, а кулак — это же его личное дело!»

Мы немедленно опросили сотрудников редакции: употребляет ли кто сырые яйца и не занимается ли тайно в консерватории. К счастью, таких не оказалось, и стало быть, подозрение в корысти отпало. Что же касается кулака как «личного дела», то этот вопрос нас даже как-то поставил в тупик.

Может, это и не совсем кстати, но вспомнилась одна из скороспелых хвалебных статей о Захарове, вырезанная и присланная в редакцию одним из читателей. Это было, пожалуй, что-то из области метафизики, но, право же, автор, сам того не подозревая, расхвалив певца, где-то предугадал то, что должно было случиться несколько позднее. Это проглядывалось не столько в заголовке — «После аплодисментов», — сколько в концовке: «От его прощального рукопожатия, как и от слов, осталось ощущение твердости. Не придуманной — приобретенной. Может быть, это и есть уверенность в себе. Качество, которое так очевидно в певце и которое он стремится укрепить в тех, для кого поет».

Все действительно так и оказалось — и твердость руки и уверенность в себе — качество, которое было таким очевидным в нем и которое он в самом деле укрепил в вышеперечисленных поклонниках.

Что же касается фельетона, то признание Нади В. из Семипалатинска окончательно убедило нас в том, что воздействие его оказалось равным нулю. «Пусть он бил! — дрожащей от высоких чувств рукой вывела Надя. — Пусть бы он разнес в клочья весь мюзик-холл, все равно я его люблю. Я преклоняюсь перед его кротостью и ангельской красотой, и ничто, слышишь, дорогой Крокодил, ничто не остановит меня в этом чувстве, никакой другой фельетон! Эх, редакция, редакция, ну зачем вы так очернили гения?!»

Мы не успели мысленно возразить Наде, как в руки нам попалось письмо поклонника из Нальчика, не пожелавшего назвать свое имя. В письме содержался ответ прямо в адрес Нади, однако совершенно неожиданного содержания: «Нет, конечно, сама редакция здесь ни при чем. Я понимаю, что один знаменитый дирижер (сами догадайтесь, кто) давно ненавидит Захарова и на некоторых концертах с его участием намеренно убыстряет темп, стараясь сбить певца и опозорить его перед телезрителями. И еще есть один артист-певец, тоже ослепительно красивый и молодой, который поставил себе цель выжить Захарова с эстрады и тем самым возвеличить собственное «я», слегка пошатнувшееся из-за отсутствия сильных голосовых данных. Так что оба они, дирижер и артист-певец, приложив максимум чудовищной изобретательности и войдя в преступный сговор, ударили по Захарову фельетоном в «Крокодиле».

Если верить неизвестному из Нальчика, то дело было совсем плохо: налицо коррупция, почти мафия — знаменитый дирижер, знаменитый артист-певец и... «Крокодил». «Чур меня!» — пробормотали мы и, глядя на объемистую пачку свежей почты, подумали о том, что совсем недавно тоже принадлежали к армии поклонников Сергея Захарова...

Конечно же, талант надо любить, беречь и лелеять, но когда это делается в самом худшем смысле бездумно и безоглядно, тогда талант действительно в опасности, ибо мещанское идолопоклонство никогда не приносило пользы ни талантам, ни поклонникам.

А. АЛЕКСЕЕВ.

САТИРОБУС

молодежный маршрут № 13

ЗАПРАВОЧНАЯ СТАНЦИЯ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ АНТОШИ ЧЕХОНТЕ — ЗАКУСОЧНАЯ — МОРАЛЬНЫЙ ТУПИК — МАГАЗИН «1001 МЕЛОЧЬ» — КАФЕ «КЛЫКИ ПЕГАСА»

из сочинений М. Генина, бывшего восьмиклассника

Каренин не вернул сына Сережу Анне, потому что понимал: она сможет родить еще, если понадобится, а он хоть и считался крупным чиновником, такой возможности был лишен.

У Ольги Ильинской был широкий круг интересов: вот почему она любила не только музыку, но и природу, не только Обломова, но и Штольца!

Чацкий предсказывал, что Молчалин дойдет до степеней известных, хотя и не уточнял, до каких именно — кандидатских или докторских.

«Сатиробус» оставляет след

Долгое время молодые жители станции Кузино вынуждены были ходить в клуб с большой опаской, так как во время сеанса интересного кинофильма на голову запросто мог упасть кусок штукатурки.

Об этом и информировал «Сатиробус» своих пассажиров в «Крокодиле» № 3 за 1977 г.

Руководство Свердловской железной дороги сообщило редакции, что строительство нового клуба планируется начать в 1978 г. В настоящее время для культурного отдыха жителей станции выделен специально оборудованный вагон-клуб.

Абитура

Перед зданием института сидят на скамейке двое. Покуривают. Молчат. Наконец, один спрашивает:

— Абитура?

— Ага.

— И я. Как сдавалось?

— Прекрасно. Захожу, здороваюсь. Тащу билет и начинаю шпарить без подготовки. Один учебник — раз! И все наизусть. Второй учебник пошел, а я шурую с любой страницы. Третий спрашивают — без запинки! Тогда за другими преподавателями побежали. Вдесятером гоняют. Держусь блестяще. Они стоят, любуются на меня, счастливые слезы утирают. А я говорю: еще вопросы имеются?

— Ух ты, здорово!

— И тут же им выкладываю: хочу сразу второй предмет сдавать. Они отвечают, что не положено, отдохните, дескать. Но я — ни в какую!

— А они?

— Привели свежих преподавателей. Стал я математику сдавать. Формулу одну спросили. А ее один только человек на свете знал. Грек. Да и тот древний. Ну, и я. Как пошел им на доске писать — даже соседнюю стену прихватил. Чувствую, в спину кто-то пристально смотрит. Оборачиваюсь, а это академик известный. Его специально из Дубны привезли, на меня посмотреть. Кидается он мне на шею, обнимает. А я вежливо так высвобождаюсь: простите, мол, следующий экзамен хочу сдавать.

— Сразу?

— Конечно. Жалобой в министерство пригрозил. Согласились. Привели новых преподавателей. Сочинение принимать.

— Ну?

— Написал. Повесть.

— А они?

— Восхищаются, конечно. Ура, кричат, шампанского!

— Приняли, значит, в институт?

— В том-то и дело, что нет. Вам, сказали, прямо в академию наук надо поступать. А чему мы вас сумеем научить? Да и кто согласится у вас сессию принимать? У нас таких гениев нет! Вот и не зачислили в списки.

— Здо-орово,— с завистью протянул первый.

— А ты? — поинтересовался второй.

— А я одного-то учебника толком выучить не смог.

— Ну и как?

— Приняли...

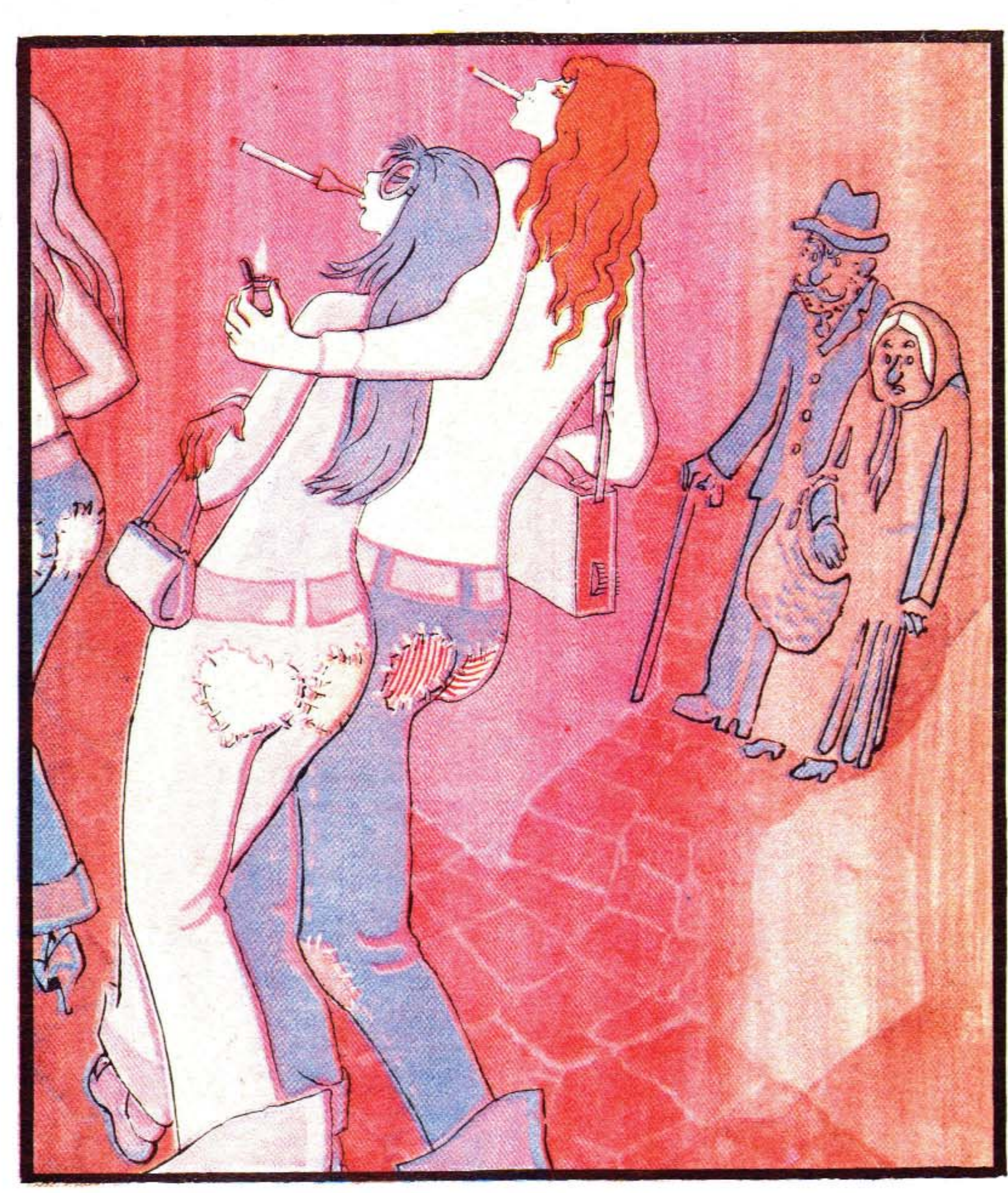
С. ВОЗЛИНСКАЯ.

Рожденный летать в провинции после распределения остался ползать в центре.

«Ох, и молодежь пойдет!..» — предсказывал бог накануне сотворения мира.

А. СТАСС, г. Иваново.

— Бедняги, все штаны просидели на работе!

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Уроки на дому

Моя речь — в защиту преподавателя киевского вуза Роженко.

Я не стану говорить высокие слова о нравственной чистоте моего подзащитного, о гуманности его начитанной, увлекающейся натуры, о безупречной репутации отличного семьянина и воспитателя. Я изложу только факты в драматической их последовательности.

Итак, однажды в среду, под вечер, шел мой подзащитный по улице, ведущей на площадь Космонавтов. Теплый ветерок с Днепра ласковыми телячьими губами тыкался в его лицо, расправляя морщинки дневных забот. Но печальным оставалось его сердце, ибо жена Роженко с ребенком были в этот знаменательный вечер далеко от дома — на юге, в одной из здравниц...

С противоположной стороны на площадь вступили три подруги: продавец Дяковская, воспитатель детсада Салькова и выпускница десятилетки Габелко.

— Выпьем, что ли? — предложила удрученная обилием свободного времени Дяковская.

— Неплохо бы! — поддержала подругу Салькова.

— Покейфуем! — окончательно сформулировала идею самая романтичная, Габелко.

Окрыленные ясностью, подруги не мешкая завернули в продмаг. Но в тот самый момент, когда Салькова достала сальную трешку, чтобы кинуть ее на прилавок винного отдела, подруг заметил мой подзащитный.

Дело в том, что Роженко лично знал Салькову. Более того, можно сказать, что он воспитал ее. Ибо не один день потратил мужественный педагог, чтобы подготовить девушку к экзамену по математике для поступления в вуз. И хотя уроки прошли даром (воспитуемая с треском провалилась), у Роженко благодаря щедрости родителей Сальковой сохранились о ней самые дорогие воспоминания.

И вот, когда незабываемое лицо ученицы мелькнуло у прилавка, старший товарищ не мог не стать рядом.

— Остановитесь, несчастные! — крикнул он.— Вы губите себя в свои восемнадцать лет! Вы начинаете жить не так. Пойдемте ко мне домой. Я научу вас, как нужно культурно и с пользой проводить часы досуга!

Подруги с досадой вздохнули, но согласились.

Тогда мой подзащитный, зная, как труден характер юных существ, как важен в работе с ними такт и индивидуальный подход, тоже купил бутылку вина, но только одну, показывая пример умеренности и целомудрия.

Он сам накрыл стол и поставил на него хрустальные фужеры. Демонстрируя практику культурного отдыха, Роженко вдохновенно показывал, как пили древние греки и закусывали римляне, пел и плясал, пересказывал содержание шедевров античной литературы (а не рассказывал пошлые анекдоты!), знакомил девушек с работами выдающихся фотомастеров Запада.

Не буду отрицать, Роженко скинул с себя рубашку и брюки — но только потому, что они мешали ему жестикулировать в злободневной беседе с подрастающим поколением. И, забыв о собственном здоровье, он достал из холодильника еще две бутылки вина, когда были выпиты первые три. Но только для того, чтобы придать своему красноречию особую доверительность.

Как же отблагодарили гостьи? В доброту бросили камнем!

Сказав, что хотят умыться и привести в порядок сбившиеся в танце прически, Салькова, Дяковская и Габелко удалились в ванную комнату.

— Как вам эта школа бальных танцев? — хихикнула Салькова.

— Он просто пьяница и болтун! — констатировала ухищренная жизнью Дяковская.

— Пора домой,— пискнула самая юная Габелко.— Я догадываюсь, чем заканчиваются эти уроки...

— Нет, мы продолжим,— загадочно ответила Дяковская, заглядывая в соседнюю комнату.

Дальше началось самое ужасное. Пока одна из подруг с поддельным вниманием выслушивала Роженко, две других, уже с неподдельным, изучали содержимое шкафа его жены. Мой подзащитный так ни о чем и не догадался: подруги ни на минуту не оставляли его одного, появляясь по очереди в комнате педагога.

В 10 часов вечера, когда мой подзащитный настолько устал, что не мог отличить воспитуемых от серванта, гостьи с мешком благополучно откланялись. К счастью, соседи вовремя задержали их на лестнице...

Теперь, когда вы знаете все, я надеюсь, ни у кого из вас не останется больше сомнений, какой Роженко чистый и искренний человек, отдающий все свои силы, весь свой педагогический талант делу нравственного воспитания молодежи!

Владимир АЛЬБИНИН, г. Киев.

КОНКУРС ТЕМ

в помощь художнику

Рисунок И. СЕМЕНОВА по теме В. САХАРОВА

ВЕСТИ С МЕСТ

ПОС. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ. На совесть поработали местные строители Дома культуры. Тринадцать лет их умелые руки без устали клали кирпич и месили раствор. И вот здание почти готово принять молодежь. Конечно, темпы не назовешь ударными. Зато качество объекта превзошло все ожидания. Высокую оценку ему дали отделочники: «Классная кладка! Жаль ломать!» Для того, чтобы проникнуть внутрь Дома культуры, им пришлось отбойными молотками пробивать 65-сантиметровые стены. Но выхода не было, впрочем, так же, как и входа: ни дверных проемов, ни отверстий для коммуникаций при самом тщательном исследовании в новостройке не оказалось. В пылу работы строители о них как-то позабыли.

г. ВОРКУТА. Одни ребята мечтают поехать в Африку и наловить там зверей для школьного живого уголка. Другие — добраться до Северного полюса и сфотографироваться в обнимку с белым медведем. А пятиклассники поселка Рудник собираются в Ленинград.

— Молодцы! — сказали им педагоги и родители.— Увидите Эрмитаж, Адмиралтейство, Петропавловку...

— Нет,— покачали головами школьники.— Нас интересует другой адрес: Суворовский проспект, дом сорок шесть.

— Новый музей? — удивились взрослые.— Или концертный зал?

— Ни то и ни другое,— ответили ребята.— Там находится производственное художественно-галантерейное объединение «Новость». Мы хотим посмотреть в глаза людям, выпускающим для нас такие пионерские галстуки, что их нельзя ни стирать, ни гладить, ни даже завязывать!

Товар принимали Дм. БРАТАНОВ и В. КОНЯХИН.

КАФЕ „КЛЫКИ ПЕГАСА"

Заехав по пути в кафе «Клыки Пегаса», мы уселись за столики, заказали кофе и спросили:

— Ну, кто сегодня будет читать стихи?

— Можно мне? — скромно спросил один молодой человек.

— А кто вы?

— Климов я, Саша. Из Липецка...

Проблема

Как хорошо, что где-то есть морозы,
Как хорошо, что где-то есть жара,
Как хорошо, что где-то есть березы,
А где-то пальмы, море и хурма.
Я радуюсь тому, что есть бананы,
Я радуюсь бизонам и слонам,
Я радуюсь тому, что есть бараны,
А также шелк, кримплен
и ворсалан.
Что есть дубленки где-то у кого-то,
Часы без стрелок — экстра-люкс часы,
Магнитофоны — стерео, комоды
На гнутых ножках—так, для красоты.
Я радуюсь всему, что есть
на свете,
А знаю точно: все на свете есть.
Но где достать мне — я прошу,
ответьте —
Колготки детские, ребенку
лет на шесть?

Александр КЛИМОВ.

ВОКРУГ СВЕТА И ТЬМЫ

Крокодильская международная газета

Рассказы о профессиях

Изысканное общество

— Ты знаешь, Готфрид,— сказала фрау Грубер супругу,— меня беспокоит Ингрид.

— А что с ней случилось? — спросил герр Грубер сквозь ложку с супом.

— Пока еще ничего, но девочка каждый день ходит на биржу труда, представляешь, кого она там встречает... Я боюсь, она попадет под плохое влияние.

Вечером юной Ингрид был устроен допрос.

— Ты с какими-нибудь мужчинами знакомилась на бирже?

— Да, — потупилась девушка.— С Клаусом и Гердом.

— О майн готт!—всплеснула руками фрау Грубер.— Надеюсь, ты еще не...

— Что ты, мамочка, ты не представляешь, какие они интересные люди...

— Представляю, — хмуро сказал герр Грубер.— Я уж представляю...

— Нет, нет, действительно! Клаус мне рассказывает о банках...

— Они втянут ее в ограбление банка! — зарыдала фрау Грубер.— Я все время чувствовала...

— Да нет же, Клаус — экономист. Он кончил университет.

— Университет? — подозрительно спросил герр Грубер.— А что он делает на бирже труда? Я понимаю, ты, безработная секретарша...

— Он тоже ищет работу. И Герд тоже. Герд — психолог. Он защитил диссертацию на тему «Психология отдыха».

— Гм, у него теперь много практического материала,— пробормотал герр Грубер.

— Нет, действительно, папа. Ты просто представить себе не можешь, какое там на бирже изысканное общество. Клаус говорит, что это не случайно. Он на днях прочел в журнале «Штерн», что только в одном Гамбурге на бирже труда зарегистрировано 120 экономистов, 134 юриста, 120 психологов и 227 учителей. Представляешь?

— О майн готт,—уже спокойнее вздохнула фрау Грубер,— надеюсь, это не надолго.

— Наоборот, мама. В том же журнале говорится, что, по прогнозам федерального управления по вопросам труда, к 1990 году в ФРГ не смогут найти работу по специальности 180 000 инженеров и ученых, 200 000 учителей, 50 000 журналистов, переводчиков, библиотекарей и художников, 50 000 юристов.

— О майн готт! — в последний раз воскликнула фрау Грубер.— Как хорошо, что ты училась так плохо и не получила высшего образования!

Чудо-тряпка

Шамокин (штат Пенсильвания). От нашего специального корреспондента Льва СКАМЕЙКИНА.

Радость и восторг охватили сердца прихожан местной епископальной церкви Святой троицы. Маленькая девочка Айрис Рейгль открыла чудо. «Смотри, бабуля, — сказала она,— видишь лик божий вон там, в складках тряпки?» И девочка показала бабушке на салфетку, прикрывающую священный хлеб на дароносице. И тут все, кто был в церкви, увидели в сочетании теней и складок салфетки физиономию всевышнего. И весть распространилась по округе и даже дальше. И едут люди из Техаса и Калифорнии и стоят в длинной очереди под дождем, чтобы глянуть на тряпицу. Шестьдесят тысяч гостей уже посетили маленький Шамокин с населением в 12 тысяч человек.

Четверо пилигримов уже сообщили, что созерцание чудо-салфетки помогло им избавиться от серьезных заболеваний. Растет гора письменных просьб к салфетке от людей, которым не удалось лично посетить шамокинскую церковь.

Святой отец Нутти уверенно руководит церковным шоу. Ему помогает солидный опыт в шоу-бизнесе. В прошлом, до того, как принять сан, мистер Нутти был саксофонистом в джазе, бродячим актером и управляющим радиостудией. В свои семьдесят лет он продолжает развлекать публику, хотя и несколько иными средствами.

Неподалеку от очереди в церковь ваш корреспондент заметил скептически ухмыляющегося человека. Скептик оказался местным учителем физики. Мы разговорились. Меня интересовало, как люди, приехавшие на современных автомобилях, имеющие у себя дома холодильники, телевизоры, транзисторные приемники и прочие технические чудеса, могут верить в тряпку.

— А что вы хотите! — горько улыбнулся учитель.— У нас сплошь и рядом блистает машина, а не владелец. Но и этих обывателей можно понять. По телевизору — убийства, в театре и кино — порнография, день пребывания в больнице стоит в среднем сто семьдесят пять долларов. Хочется чего-то чистого, святого, исцеляющего, но бесплатного. Чистенькая церковная салфеточка отвечает всем этим требованиям — при наличии минимума воображения, конечно!

Тоже неплохо...

Мих. РАСКАТОВ

Впервые за последние 10 лет в Детройте целая неделя прошла без единого убийства.

Сияют восторгом лица, и
Радуются сердца —
Сегодня банкет в полиции,
Не видно тостам конца.

Начальник — и прям и важен —
Удачею опьянен.
И в небывалом раже
Провозглашает он:

— Хоть весь архив переройте
За десять последних лет —
Такой недели в Детройте
Вы не найдете, нет!

Цените в самом-то деле
Полиции мастерство:
Убийств на этой неделе,
Верите, ни одного!

Семь дней — убедиться просим!
Не скрою, я этим горд.
А если их будет восемь,
То, значит, будет рекорд!

...Внезапно один из свиты
Проговорил, осмелев:
— Шеф, обнаружен убитый,
Рекорда не будет, шеф...

И кто-то с печальным вздохом
Пробормотал в ответ:
— Неделя — тоже неплохо,
Хотя бы раз в десять лет...

Географические новости

Паника на берегах Ла-Платы

«Спасайся, кто может! Красные захватывают планету!»

Не правда ли, что-то знакомое? Примерно с таким воплем в свое время выпрыгнул из окна сошедший с ума военный министр США Форрестол. Покойный имел в виду «русские танки», а его сегодняшние единомышленники из редакции уругвайской газеты «Эль Паис» страдают «идеологическим» вариантом той же истерии. Они вовсю клянут процесс разрядки, а «бациллы красной чумы» видят даже на собственном письменном столе. И вот зачумленные редакторы с берегов Ла-Платы извлекают на свет божий свое творение, которое называют «идеологической картой мира».

На всю планету выделены фактически две краски — синяя и красная. Которые синие и голубые — это идеологические союзники США и им симпатизирующие. Красные и розовые — это марксистские страны или симпатизирующие марксизму. С перепугу «Эль Паис» обдала красной краской почти все государства Африки, включая Заир, а в Азии красными оказались даже правители Таиланда.

Музы, вдохновляющие уругвайских фантастов, залетают, как правило, с севера. Так, недавно на берегах Ла-Платы побывал член конгресса США от штата Джорджия Лоуренс П. Макдональд. И внес свою лепту. По его словам, в официальных кругах Вашингтона полно «коммунистических агентов». «Эль Паис» в своей редакционной статье тут же делает вывод, что «альянс, возглавляемый Советским Союзом, угрожает везде и всюду, представляет опасность для обороны американского континента и свободного мира».

В общем, будет не удивительно, если редакторы газеты «Эль Паис» в один прекрасный день выбросятся из окна на мостовую Монтевидео с криком: «Спасайся от красных!». И не исключено, что после этого в их кабинете найдут опрокинутое ведро красной краски.

Борис КОРОЛЕВ

СВЕРХДЕСПОТ НА БЕРЕГУ РЕКИ

Слово «рыба» по-китайски будет «юй».

Сенатор Джексон первый раз услышал его на обеде в Пекине. Он обратил внимание, что это юркое слово летает с одного конца стола на другой, как мячик для пинг-понга. Сенатор сгоряча подумал, что наконец подадут форшмак, и нерасчетливо отодвинул в сторону фарфоровую пиалу с нежными побегами бамбука.

Форшмак, однако, не подали.

Сенатор Джексон не солдат Наполеона. Он не носит в своем ранце вилку маршала, и путь к его сердцу не лежит через желудок. А если и лежит, то, как шутят в Пентагоне, через желудок военно-промышленного комплекса.

Тем не менее сенатора огорчило, что в затейливом меню не было ни креветок, ни крабов, запеченных в собственных доспехах, ни присосков осьминога, ни трепангов. Дары моря были робко представлены водорослями, которые подавали в чашках, вырезанных из слоновой кости.

«Почему же все время лопочут «юй, юй, юй»?» — тоскливо думал сенатор.

С присущей ему прямолинейностью он задал этот вопрос своим хозяевам.

— Рыбы не будет десять тысяч лет,— показали ему на пальцах.

Сенатор уже знал о том, что в бурном море нельзя без кормчего, но еще не знал, что в море можно без рыбы.

— Можно, — объяснили гостю.— Вся рыба в реках и морях выловлена.

— Кто это сделал? — сверкнул очами сенатор.

— Советские трах-социал-тарарах - империалисты-трам-бах, — застенчиво сказал хозяин дворца. И добавил фразу, которая поразила сенатора, как кровоизлияние в мозг: «Советский ревизионизм — сверхдеспот в вопросе рыболовства».

Назавтра эта фраза была передана агентством Синьхуа и перепечатана всеми китайскими газетами.

На днях я посетил берега Москвы-реки, где густо концентрируются рыбаки, которые наиболее разнузданно грабят рыбные ресурсы мира.

Семилетний деспот Вася Фишкин, путаясь в словах и лесках, объяснил мне, как происходит этот грабеж. Зная о необыкновенном интересе сенатора Джексона к Советскому Союзу, я тут же со слов Васи Фишкина составил для сенатора доклад, в котором кратко изложил коварные методы трах-социал-бабах - ревизионизма.

Обезрыбливание всемирного водного бассейна проходит прежде всего под ширмой помощи. Советские экскаваторы на строительстве плотин, электростанций, металлургических комбинатов, госпиталей и других объектов в странах «третьего мира» и других странах используются только для того, чтобы срыть верхний слой почвы и собрать всех дождевых червей — излюбленную приманку для челюстножаберных. Тем самым иностранные удильщики рыбы оказываются безоружными, то есть обесчервяченными.

Коварство сверхдеспотов не знает границ. Под видом работ по разминированию Читтагонга и Суэцкого залива советские тральщики выловили всю икру и наивных личинок. Мальки переброшены в сибирские реки.

Мало того — в СССР вынашивается коварный план повернуть вспять эти реки, впадающие в Ледовитый океан. Каждая река тем самым превратится в мощный насос, отсасывающий стада промысловых рыб от берегов Скандинавии, Канады и США в среднеазиатские степи и пустыни.

Добытую таким способом рыбу ревизионисты собираются продавать на мировых рынках. Причем только низкокачественную. Рыбу высокого качества экипажи рыболовных судов будут съедать сырьем прямо на палубе...

Когда я спросил Васю Фишкина, этого наглого сверхдеспота в вопросах ужения плотвы и уклейки, почему он не оставляет рыбы другим, сверхдеспот молча передвинул пластмассовое ведерко с одной выловленной плотвичкой, освобождая для меня место на берегу.

ЦРУ нередко использует американских журналистов для ведения шпионажа против других стран.

— Это наши СОБСТВЕННЫЕ корреспонденты...

Рисунок Е. ГУРОВА.

Сигналы услышаны

ПЛАТА ЗА АВТОГРАФ

Жительница г. Новокузнецка Т. М. Русских обратилась в фотосалон Дома быта с просьбой сделать увеличенную копию свадебного снимка. Фотограф получил 6 руб. 70 коп., взамен выдал клочок бумаги с автографом.

Когда Т. М. Русских пришла за заказом, администрация автограф своего сотрудника не признала.

Письмо заказчицы по просьбе редакции проверено управлением бытового обслуживания населения Кемеровской области. Выяснилось, что фотограф Коршунов деньги за заказ присвоил, работу не сделал. Коршунов уволен. Кассир-приемщик и заведующая выездным бюро фотообъединения «Зенит» наказаны.

ЧТО ХОЧУ...

Начальник управления механизации треста «Самотлорнефтепромстрой» В. Пек вел себя на службе по принципу «что хочу, то и ворочу». Грубил подчиненным, нарушал трудовое законодательство, не заботился о бытовых нуждах строителей.

Об этом сообщила в редакцию группа рабочих управления. Письмо было направлено для проверки и принятия мер в Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. Заместитель начальника Главтюменнефтегазстроя А. И. Пелымский информировал редакцию, что В. Пек от обязанностей начальника управления механизации освобожден. Бытовые условия рабочих улучшены.

НЕ ВСЕ КОТАМ МАСЛЕНИЦА

В городе Вевисе находится маслозавод Вильнюсского молочного комбината. Интересным свойством обладало масло этого завода: находясь на заводском складе, оно быстро теряло свой вес.

Редакция направила письмо в Комитет народного контроля Литовской ССР. Зам. председателя комитета Е. Стригалев сообщил, что на заводе проведена ревизия, установившая сверхнормативные недостачи масла и фальсификацию документов. Материалы ревизии переданы следственным органам.

Юрий ЗОЛОТАРЕВ

Со всей откровенностью

Рассказ

Никто из сослуживцев точно не знал, что так гнетет постоянно и сильно экономиста Анатолия Сергеевича Лутикова. Об этом он никогда не рассказывал. Но взгляд его был настолько красноречив, что всем хотелось, побросав дела, буквально мчаться ему на помощь!

Пожалуй, одному лишь главному инженеру треста Комаровскому этого не очень хотелось. Возможно, потому, что он был целиком поглощен заботой о критике.

Во всяком случае, в течение дня Комаровский обязательно говорил кому-либо из подчиненных:

— Да-а, Григорий Григорьевич, давненько же я вас не критиковал. Завтра же на планерке раскритикую, будьте уверены!

Или деловито осведомлялся:

— Послушайте, Анна Ивановна, на этой неделе я вас сколько раз критикнул? Один? Мало! Готовьтесь, в пятницу непременно подвергну.

И вот однажды, перебирая в уме последовательно и принципиально раскритикованных, Комаровский с ужасом обнаружил отсутствие в этом мысленном списке Анатолия Сергеевича Лутикова. И, вызвав его тотчас к себе, зашумел:

— Вы недавно влепили ошибку в отчете! Какие, интересно, из этого безобразия сделали выводы?

В этот момент экономист устремил на главного инженера свой пронзительно-жалобный взор, от которого у неподготовленного человека холодело сердце и немели пальцы.

Комаровский на секунду осекся, казалось даже — покачнулся в кресле, но усидел и произнес упрямо и членораздельно:

— Рас-кри-ти-кую.

И сдержал свое слово.

Причем Комаровский лишь начал, остальные, точно мстя экономисту за долгое вынужденное молчание, принялись потрошить Анатолия Сергеевича так весело и жадно, что глаза его из печальных стали умоляющими.

Но на это уже никто не обращал внимания: без Лутикова, как популярного отрицательного примерчика, не обходился ни один уважающий себя докладчик или выступающий в прениях.

— Вы рассеянны и халатны! — заявил с трибуны старший экономист.

— Он позже всех приходит и раньше всех уходит! — заклеймил Лутикова руководитель отдела.

— Таких нерадивых будем строго наказывать! — пообещал громогласно заместитель управляющего.

И Анатолий Сергеевич почувствовал, что взглядом тут уже не проймешь — надо действовать.

На другой день отдельское, трестовское руководство, а также некоторые сослуживцы получили приглашения:

— В субботу прошу ко мне, этак часиков в семь, полвосьмого. Посидим по случаю дня моего рождения...

За столом, великолепно сервированным увядающей, но еще оживленной супругой Лутикова, было уютно и радостно.

Постучав вилкой по бокалу, старший экономист деловито начал:

— Позвольте, дорогие товарищи, со всей откровенностью подчеркнуть: вот так же, как внимательна к нам сейчас очаровательная хозяйка дома, всегда внимателен в своей работе и наш любимый хозяин дома! Я поднимаю бокал за эту семейную гармонию!

Лутиков зажмурился от удовольствия.

— Я вижу,— усмехнулся руководитель отдела,— за стол садятся опоздавшие. Так пусть же наш Анатолий Сергеевич, который никуда и никогда не опаздывает, нальет им штрафную. А мы выпьем за образцового юбиляра!

Юбиляр безоблачно млел.

Разомлеть окончательно ему мешал лишь угрюмо молчавший в конце стола Комаровский. Но вот он медленно поднялся, и все увидели, как на лице его отразились внутренняя борьба и мучение. Комаровский откашлялся, свирепо глянул на окружающих и в наступившей тишине произнес:

— А я тебе все ж таки вот что скажу в порядке здоровой критики: зачем закатил пир горой вместо того, чтобы, понимаешь ли, соорудить женке этакий креп-жоржет выходной, или сынишке подкопить на трехколесный велосипед или, на крайний случай, мамуське неожиданно подкинуть шаль с каймою, а? Нехорошо-о...

— Ладно уж,— умиротворенно перебил его зам. управляющего,— чего там, не на собрании... Давайте лучше такому удивительному работнику премию подкинем. Завтра же!

И тогда смело, без печали посмотрел на всех Анатолий Сергеевич, и кое-кому показалось даже, что в глазах его мелькнуло лукавство.

Святослав СПАССКИЙ

Тезки

Рассказ

Мария, жена Зотова, попросила его сходить на рынок за веником.

Зотов внутренне напрягся и сделал вид, что не слышит.

Жена повторила. Голос ее сделался настолько ровным и ледяным, что на нем впору бы тренироваться Ирине Моисеевой и Андрею Миненкову.

Если эта метафора покажется редактору чересчур громоздкой и он ее вычеркнет, спорить не буду. Но вернемся к нашим героям.

— Мура,— отчаянно сказал Зотов,— у меня же коллоквиум завтра!

Мария молча протирала настенную вьетнамскую тарелочку с изображением завлекательной, не полностью одетой танцовщицы.

Зотов лукавил. Суть была не в коллоквиуме. Суть была в том, что общежитие института, в котором преподавал Зотов, находилось как раз между рынком и зотовским домом. А главное — Зотов носил красивое и звучное имя Вениамин, а студенты в связи с этим за глаза фамильярно прозвали его Веником. Он знал это и теперь, содрогаясь, представил себе, как разбитные первокурсники, давясь от смеха, делятся впечатлениями: «Видали, как наш Зотов тезку под мышкой нес?»

А рассказать все Муре ему было стыдно. Он горестно надел золоченые очки и двинулся навстречу своей Голгофе.

Купив веник прямо у рыночных ворот, он заметался, изыскивая способ замаскировать покупку, и робко попросил небритого голубоглазого продавца:

— А завернуть у вас не во что?

— Это как завернуть? — попытался понять продавец.— Это что же вам, селедка, заворачивать? И где ж я бумаги напасусь веники заворачивать, на-ка!

— Да-да,— покраснев, заволновался Зотов.— Просто, понимаете, неудобно: мне на электричку еще, а потом три часа полем идти.

Зотов врал всегда вяло и неубедительно. Зная это, он с натугой пошутил, чтобы разрядить обстановку:

— Женщинам вот хорошо — села на веник верхом да и полетела!

— Это как полетела? — попытался понять голубоглазый продавец. — Где это полетела?

И он обвел взглядом небосвод. Небосвод был чист, если не считать густых длинных шлейфов от четырех труб районной ТЭЦ.

— Ну, ведьма если. На помеле ведьмы летают,— сник Зотов.

— Это как ведьма? — попытался понять продавец.— Кто это ведьма?

— Пошутил я.— сказал Зотов, ретируясь.

Продавец долго смотрел ему вслед голубыми бдительными глазами. По рыночному забору осторожно шла кошка.

Зотов тоскливо приближался к студенческому общежитию, надеясь на чудо. Но чуда не произошло: двери общежития выстрелили, выбросив на улицу пеструю гомонящую стаю студентов. Зотов отскочил к ближайшему дому, забросил веник в открытый подъезд и трясущимися руками стал вскрывать пачку сигарет «Каравелла».

Студенты не расходились. Они тоже закуривали и, хохоча, перебрасывались малозначащими фразами.

В глубине подъезда скрипнула дверь. Сиплый старушечий голос произнес:

— Верка! Ты что ж, разиня, подметала, а веник-то оставила. Ну как есть шалавая!

— Да вы что, мама,— обиженно застрекотала невидимая Верка,— и не подметала я еще вовсе, и веник, вон он, на кухне. Вечно вы...

— И кто ж это веники расшвыривает? — выползая на улицу, в раздумье произнесла старуха. Была она в толстом полушерстяном платке, ее лисье личико усеяли мохнатые бородавки.

Зотов негромко сказал:

— Это мой веник.

— Твой? — подозрительно спросила старуха.— А ты, красавец, сам-то чей будешь?

Зотов повел рукой вдоль улицы.

— Я вон там живу, видите, белый дом с красными балконами?

— Ну,— прищурилась старуха.— А чего ж ты у нашего парадного ошиваешься? Веник, говорю, зачем кинул?

— Понимаете,— краснея, залепетал Зотов,— солнце на улице. Веник, если его долго на свету держать, хрупким делается, ну, как бы сказать... ломким, что ли. Вот я его туда, в темноту... Это временно, вы не думайте. Я возьму.

Старуха почесала двумя пальцами под платком и убежденно сказала:

— Врешь ты все. Ну ведь врешь же. Признавайся, а то народ кликну. Вон ребята идут.

Зотов с ужасом узнал в ребятах своих студентов.

— Прошу вас, тише! — умоляюще прошептал он.— Я объясню все потом...

— Гуд монинг, Вениамин Петрович! — хором пропели студенты.

Не в силах ответить, Зотов молча кивнул головой.

— Вениамин Петрович, а Вениамин Петрович,— жалобно произнес один.— Вы завтра последний день зачет принимаете?

— Да,— слегка придя в себя, ответил Зотов. — Да, товарищи, завтра последний день.

— Вениамин Петрович, — заныл второй,— а нельзя в среду как-нибудь, а? Мы никак завтра, ну никак, понимаете, у нас городские соревнования. По гимнастике, Вениамин Петрович!

— Хорошо. В виде исключения,— торопливо согласился Зотов.— Гнатюк и Степанов, если не ошибаюсь? Идите, хорошо, в среду.

— Тэнк ю вери, вери! — загалдели обрадованные Гнатюк и Степанов, заворачивая в переулок.

Зотов вздохнул. Старуха пытливо глядела на него.

— Студентов обучаешь, значит?

— Преподаю, да. Английский язык,— сказал Зотов.

— А веник на рынке купил?

— На рынке, — грустно подтвердил Зотов.

— Жена, что ли, послала?

Зотов кивнул, снимая запотевшие очки. Позолота сверкнула на солнце.

— Вот все и ясно,— сказала старуха, нагибаясь за веником.— Тогда вот что: ты иди вперед, домой иди, понял? А я веник понесу.

Зотов пошел, неуверенно косясь через плечо на старуху.

— Дальше, дальше отходи! — приказала она.— И не оглядывайся, не украду я твой веник, ну! Вперед смотри, вон еще, небось, твои студенты идут.

Она держала веник немного наперевес, как карабин, и конвоируемый Зотов прибавил шагу.

У белого дома с красными балконами старуха отдала веник.

— Спасибо вам огромное,— сказал Зотов, ласково разглядывая мохнатые старухины бородавки.— Может, подниметесь?

— Чегой-то? — возразила старуха.— Один ступай, не теряй авторитету. Авторитет и перед женой соблюдать надо, не только перед студентами.

КРОКОДИЛИНКИ

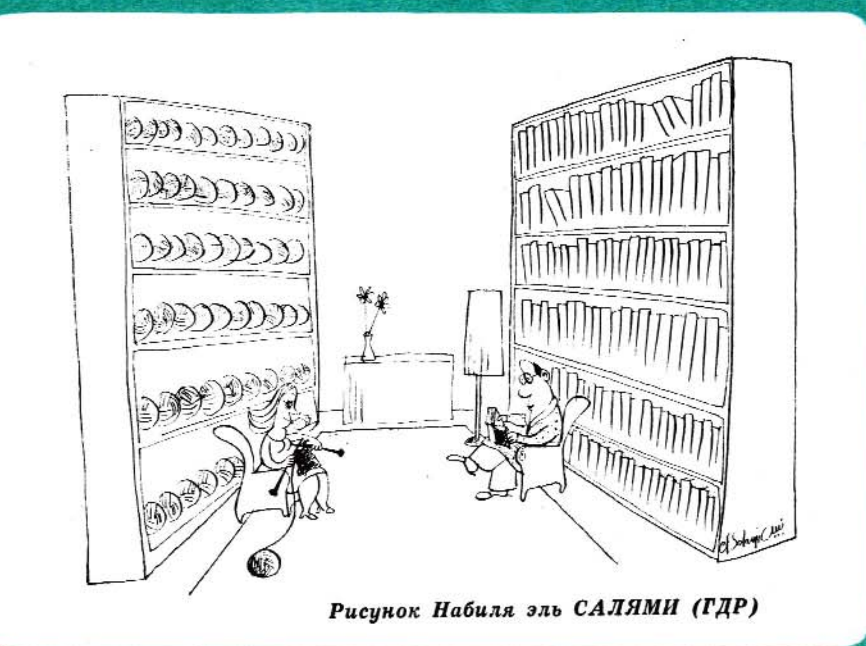
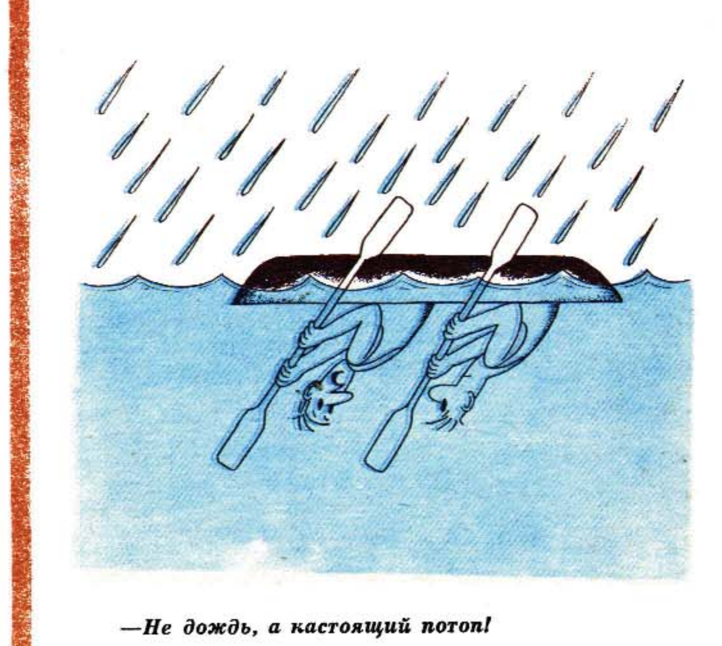

Рисунок Набиля эль САЛЯМИ (ГДР)

—Не дождь, а настоящий потоп!

Рисунок В. АРНАУТОВА, Сахалинская область.

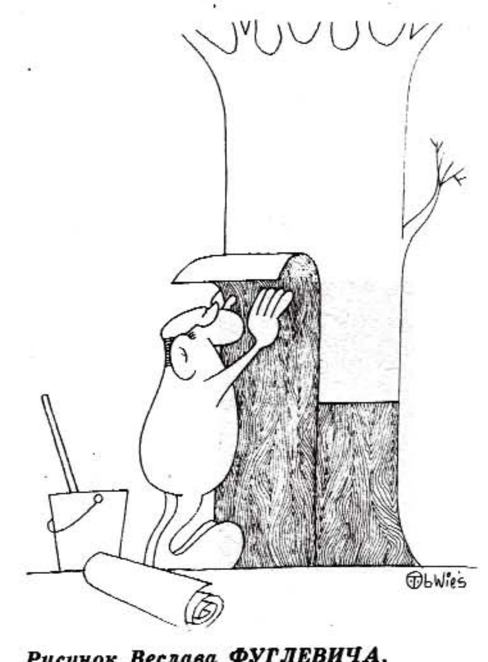
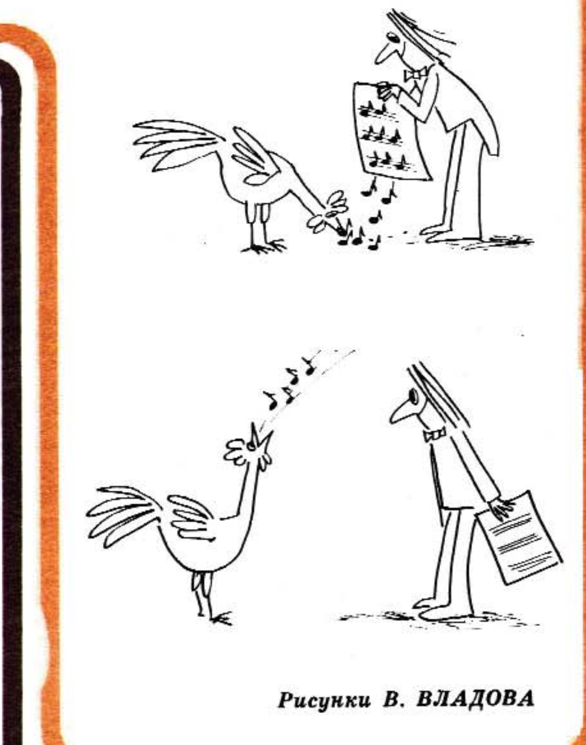

Рисунок Веслава ФУГЛЕВИЧА, (Польша)

Рисунки В. ВЛАДОВА

Рисунок Е. МИЛУТКИ

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Рисунок В. МОХОВА.

Конкурс Крокодила

Что бы это значило?

ЧЕЛОВЕК С ИМЕНЕМ

Человек с татуировкой «Жора» или «Не забуду Нюшу» и т. д.

Р. Рязанов, г. Салават.

ДРУГ СЕРДЕЧНЫЙ

Валидол.

М. Ларичев, г. Пушкин.

И ВСЕ-ТАКИ ОНА ВЕРТИТСЯ!

Жена после работы.

В. Локтев, г. Астрахань.

НА СВОИХ ДВОИХ

Лоботряс на иждивении родителей.

Л. Калишук, г. Белоозерск.

Мой недолгий ящик

Уголок эрудита

Задали себе задачу

Дорогой Крокодил! В фельетоне «Северный вариант» твои специальные корреспонденты А. Карасев и С. Ревзин пишут: «Когда столбик ртути падает до сорока...» Попроси авторов угадать, какую они ошибку допустили.

А. КАЗАКОВ,
г. Новотроицк.

После долгих размышлений авторы догадались заглянуть в энциклопедию, из которой узнали, что ртуть замерзает при 38,86 градуса мороза.

В мире животных

А он мозоленогий...

Дорогой Крокодил! Где видел художник Г. Андрианов верблюда с козьими копытами (рисунок на обложке 14-го номера)? Я понимаю, что хотя четырех горбов у верблюда также не бывает, и это, как и поварской колпак на его голове и галстук на шее,— условности юмористического рисунка. В остальном же достоверность должна усиливать смысл рисунка. Верблюд (camelus) — род жвачных парнокопытных млекопитающих подотряда мозоленогих.

А. ТРОЯН, г. Киев.

Уважаемый тов. Троян! Решением редколлегии Г. Андрианов был направлен в зоопарк, разумеется, за свой счет. Эта экскурсия значительно обогатила его, что греха таить, скромные представления о мозоленогих, а также о сумчатых, насекомоядных, хоботных и других. Кроме того, он попробовал на зубок скумбриевых в кафе зоопарка.

нарочно придумаешь

«В молочный отдел
Просим вернуть кефирные накладные, присланные 13 апреля 1977 года, ввиду того, что уменьшилось количество детей на 6 литров».

(Из письма администрации детяслей).
Прислала А. Смоленская, г. Ленинград.

«Справка дана институту в том, что на прополке огурцов работало 35 голов и обработали 0,28 га».

(Из справки бригадира совхоза).
Прислал В. Мовчан, г. Киев.

«Несмотря на неоднократные ему указания, начальник станции расписался в собственном бессилии к технике».
«Неизвестный оказался преступником-рецидивистом, за что милиционер Чирков поощрен».

(Из писем в редакцию газеты).
Прислала И. Очеретина, г. Свердловск.

Улыбки разных широт

●

Гангстер — прохожему:
— Деньги или жизнь!
— Я как-то затрудняюсь, что выбрать. Может быть, вы мне предложите что-нибудь еще!

●

Полицейский остановил машину и указал на превышение скорости.
— Я вынужден вас оштрафовать,— заявил он.
— Но я шел со скоростью всего шестьдесят километров,— начал оправдываться водитель.
— Нет, у вас была скорость девяносто километров.
— Но я утверждаю,— заупрямился водитель,— что не превышал разрешенной скорости.
В этот момент дверца машины открылась и жена водителя заметила:
— Когда мой муж пьян, спорить с ним бесполезно.

●

— С кем это ты здоровалась?
— Это третий муж первой жены моего второго мужа!

●

У входа в большой магазин.
— Послушай, дорогой, ведь это не наш бэби!
— Т-ссс... Зато эта коляска лучше!

●

— Официант, что это ползет по салату!
— Витамины, сэр.

●

Психиатр — пациенту-мужчине:
— А это сознание собственной неполноценности пришло к вам внезапно или развивалось нормально в связи с женитьбой и отцовством!

●

Марк ВУАЗЕН (Франция)

Мыслитель

Это началось в полдень. Как всегда, я сложил газету, в которой знакомился с последними новостями спорта, встал из-за стола и надел пиджак.

— Далеко ли вы собрались, Жан-Поль? — спросил д'Энви, глядя на меня поверх очков в железной оправе.

Вы знаете нашего д'Энви? Нет? Тогда считайте, что вам повезло. Он мой непосредственный шеф.

— С двенадцати до часу,— ответил я,— у меня обеденное время, и я могу делать все, что мне заблагорассудится!

— Вот как? — усмехнулся он.— А не заблагорассудится ли вам поработать в свое обеденное время, поскольку все остальные часы вы читаете газеты, рисуете чертиков на бланках нашего муниципалитета и болтаете по телефону со своими девицами?

Ну, согласитесь, не скотина ли этот д'Энви? Чего он хочет? Чтобы я, с Сорбонной за плечами, тасовал его бумажки? Чтобы я, с моими прогрессивными идеями, гнул спину на благо отсталой социальной системы? «Да провались ты к черту!» — сказал я мысленно, адресуясь к мсье д'Энви.

И что бы вы думали? Стул под шефом жалобно крякнул, д'Энви беспомощно дернул руками и грохнулся — если не в ад, то по крайней мере на пол. Все повскакали со своих мест, окружили несчастного и принялись успокаивать:

— Ах, мсье д'Энви! Отчего вы себя не бережете? Что бы мы делали без вас?

Через несколько дней, опять-таки около двенадцати, подошла ко мне Люси. Вы знаете нашу Люси? Нет? Ну, считайте, что вам очень повезло. Невероятно тупая особа, хотя в приятной внешности ей не откажешь. Говорят, ее даже приглашали на телевидение читать официальные известия, но потом отказались, потому что она не выговаривает бо́льшую часть согласных звуков, и телезрители могли бы неправильно истолковать это в политическом смысле.

— Жан-Повь, а кто будет составвять пван по бвагоусвойству говода?

— А за каким дьяволом я буду его составлять, если средств на благоустройство все равно не отпущено?

Разумеется, Люси на меня набросилась и стала корить на все лады, а я смотрел на ее прелестные зубки и думал: «Ну что ж, мадам, пилите меня, если угодно! Вы, безусловно, красивы, но, будь я вашим мужем, я давно бы уже собирал чемоданы!»

И что бы вы думали? На следующий день по муниципалитету разнеслась потрясающая новость — от Люси ушел муж! Можете себе представить? Стоило мне подумать — и, как говорят, мысли в руку!

Ошеломленный, я выскочил на улицу и побежал, плохо понимая, куда и зачем. «Надо себя проверить еще раз,— подумал я.— И обязательно на чем-нибудь значительном. Вот, например, идет полицейский. Загадываю: у него должно быть двое детей. Сейчас проверим...»

— Простите, мсье, не сочтите меня сумасшедшим, но позвольте задать вам странный вопрос: у вашей жены двое детей?

— Нет, трое,— ответил он и на всякий случай положил руку на кобуру.

— И все они ваши? — воскликнул я в отчаянии.

— Нет, только двое, мсье. Однажды я ездил в отпуск в Париж, и... Но какое вам, собственно, дело?

Я хотел рассмеяться, но вдруг меня продрал мороз по коже. «А что если о моих способностях пронюхают военные? — ужаснулся я.— И вынудят обратить силу моего воображения в агрессивных целях? Какой кошмар!»

Тогда я решил: чем жить так, в постоянной тревоге за спокойствие человечества, лучше вообще ни о чем не думать. Чтобы не проявлять свой талант ни под каким видом!

Прихожу в муниципалитет. Не думаю. Принимаю посетителей. Механически. Подписываю бумаги. Не глядя.

День не думаю. Четыре. Месяц.

Сначала уставал, потом втянулся. Шесть килограммов прибавил. Подружился с мсье д'Энви. Благодаря этому получил повышение.

Недавно женился на Люси. Живем отлично. Правда, жена порой вновь начинает пилить меня, как и раньше:

— Ты говової подумай, Жан-Повь!

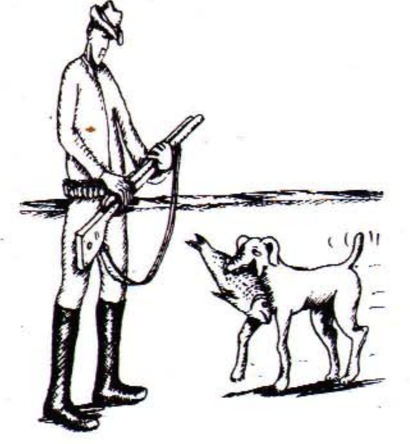
А я ей отвечаю:

— Довогая Вюси, я забыв, как это деваетея... Нам и без этого ховошо!

Перевел Мих. КАЗОВСКИЙ.

— Ты уверен, что мы не ошиблись адресом?

«Пуркуа па?», Бельгия.

«Дикобраз», Чехословакия.

Пал ШОМОДИ (Венгрия)

Распродажа

Я вошел в Органбанк и принялся изучать таблицу указателей. На помощь мне вежливо поспешил швейцар.

— Что изволите искать?

— Я по поводу пересадки органов.

— Вы желаете купить какой-нибудь орган или продать? — поинтересовался швейцар.

— Продать.

— Тогда будьте любезны проследовать в закупочную комиссию. Первый этаж, четвертая комната,— сказал швейцар.— Там органы оценивают и назначают цену.

Я поблагодарил за справку и направился в закупочную комиссию.

— Я хотел бы продать почечку,— заявил я.— Одну. Насколько мне известно, мои почки безукоризненны. И, возможно, мне придется расстаться еще с полметром кожи. Все зависит от того, сколько я получу у вас за почку. Дело в том, что мне позарез нужно тонн пять цемента и восемь кубов леса.

— Строитесь? — спросил один из врачей, пока я раздевался.

— Небольшой домик,— ответил я.— Когда я начинал, многие предупреждали, что с меня сдерут шкуру, но я не верил. К сожалению, теперь я это знаю.

Врач начал разглядывать мою кожу через лупу.

— Довольно дряблая,— сказал он, качая головой.— И сухая, сказывается нехватка витаминов.

— Витамины? Вы что, смеетесь? Я уж год себе яблока не могу позволить. Но знаете, может, за неделю я смогу улучшить сортность своей кожи? Деньги я непременно должен получить к началу следующей недели, иначе каменщики перейдут на другую стройку и никогда не вернутся ко мне. Это очень хорошая кожа,— добавил я,— на ней нет ни царапинки, поглядите.

Врач покачал головой.

— К сожалению, пока это третий сорт.

— М-да, много я за нее не получу,— сказал я.— А если я продам еще парочку своих костей?

— За самые лучшие кости я не могу дать больше двух-трех тысяч форинтов,— потряс головой врач.— Это максимальная цена. Но нельзя ли немного сэкономить на строительстве дома?

— Никак нельзя! — горячо воскликнул я.— Жена требует крытую веранду, а мне нужна отдельная комната на втором этаже.

Я с надеждой взглянул на врача.

— А если я добавлю еще одно легкое?

Врач взял стетоскоп, тщательно прослушал и выстукал мою грудь.

— Нет,— решительно произнес он.— Дыхательная поверхность мала, с одним легким вы не дотянете до окончания строительства.

На мгновение я загрустил, но затем просиял.

— Стоп! — вскричал я.— Но если я не дотяну, то смогу продать вам еще печень и сердце! Могу или нет?

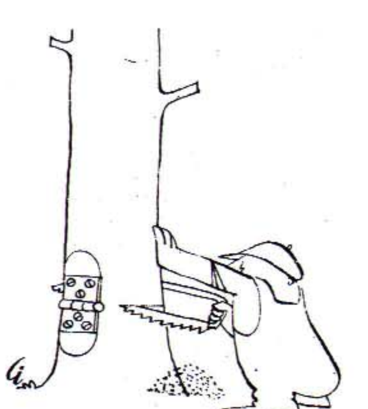
— В этом случае сможете,— сказал врач Органбанка.

— А это уже вполне приличная сумма! — прищелкнул я языком.— На нее я и бассейн смогу выстроить в саду! Правда?

— Если вы на это согласны,— уклончиво ответил врач.

— Еще бы не согласиться! — весело вскричал я.— Все знакомые лопнут от зависти на моих похоронах!

Перевела Е. ТУМАРКИНА.

«Урзика», Румыния.

«Остен», Югославия.

Слова, слова...

Чем дольше вы сидите в гостях, тем труднее хозяевам нанести вам ответный визит в тот же вечер.

Из финикийского учебника этикета для выезжающих на работу за границу.

Бойтесь данайцев, дары уносящих.

Троянская шутка.

Не видел дальше своего носа. Поэтому всюду его совал.

Кунчо Грозев, болгарский юморист.

Самая глубокая пропасть — финансовая: в нее можно падать всю жизнь.

Фольклор канадских банкротов.

КРОКОДИЛ
№ 24 (2214)
август

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: В. Арнаутов, М. Вайсборд, В. Владов, Е. Горохов, В. Жаринов, Е. Милутка, В. Спельников, Ю. Черепанов.

НАШ АДРЕС:
101455, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, д. 14
ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Сдано в набор 27/VII 1977 г. А 02095. Подписано к печати 4/VIII 1977 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 820 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 624 100). Изд. № 1930. Заказ № 956.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.